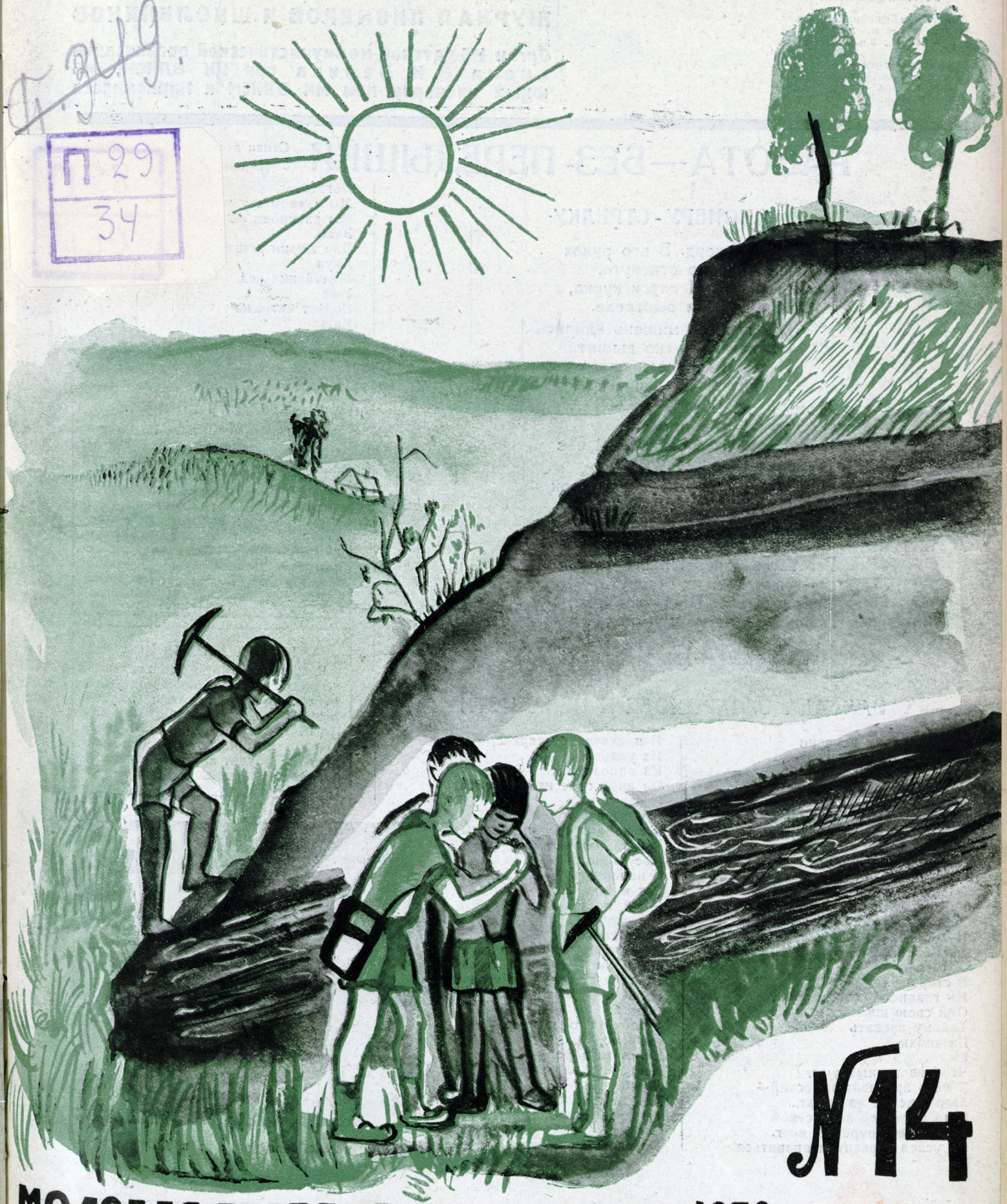
ПИОНЕР

П 29
34



№ 14

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

МАЙ
№ 14

ПИОНЕР

БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Адрес редакции
Москва Центр, Новая пл., 6.
Условия подписки:

36 номеров без приложений: на год—8 р., 6 м.—1 р. 60 к., 3 м. — 85 коп., 1 м. —30 коп.

36 номеров с приложением 12 сборников „Вторая Ступень“: на год — 8 р. 25 к., 6 м.—4 р. 35 к., 3 м.—2 р. 30 к.

РАБОТА—БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

Стихи деткоров „Пионера“

ПИОНЕРУ - СТРЕЛКУ

Его взгляд тверд. В его руках
Винтовка крепко стиснута.
Напрягся он... И спуск курка,
И слышны звуки выстрела.

Его глаза в мишень впились.
Он как-то чутко дышит...
И звуки голоса неслись:
„Девятка! Цельсь выше!“

А дни идут. Вернее глаз
От каждой тренировки...
Я знаю, друг, в свободный час
Ты изучал винтовку.

Рука не спустит зря курок
И метко бьет с колена...
Он, красногалстучник-стрелок,
Готов бить Чемберлена.

Его взгляд тверд. В его руках
Винтовка крепко стиснута.
Напрягся он... И спуск курка,
И слышны звуки выстрела...

Деткор *Б. Кежун*

Тверь, Бассейная, 32.

БАЛЛАДА О ПАРОХОДЕ И НЕНАВИСТИ

По перевалам истории
(Взгляд,
Как копье, заброс)
Долго, как шлюпки по морю,
Люди плавали врозь...
И только у нас на диво
(Вот уж который год?!)
Люди
Одним коллективом
Строят
Один пароход!
Работа без передышки,
Жизнь пылает в огне,
Но есть и у нас
Людишки,
Которые
В стороне...
Им главное — свои крохи,
Они свою шлюпку ведут...
Такому плевать
На эпохи,
Ему
Чтоб цветочный уют.
У него аргументик веский—
Заграждение из бумаг...
И за ситцевой занавеской
Вырастает свирепый враг.
Он успел паразитом вцепиться
И подтачивает каркас,
Из уклонов,
Из оппозиций
Он лицо свое кажет подчас.
И верит он,
Что снова
Все пойдет по путям былым,
И к такому вот
Мое слово
И ненависть
Вот к таким!
— Эй, послушай,
Мы строим,
Возводим,
Вырастают гудя корпуса,
Мы поем о большом пароходе!
Но тебе этот гуд не угоден
И работ не нужны
Голоса.
У тебя на душе иное,
Но тебе
Не найти дорог —
Ненависть злую
Давно я
Для тебя, как и все, сберег!
Ты бледнеешь...
Глядишь с опаской...
Ты опять свой билет суешь...
Погоди,
Мы сорвем эту маску,
Мы раскроем лицо твое!
Знай,
Для жизни осталось мало
Акул
Житейских вод.
Уже
Подает сигналы
Наш
Строящийся
Пароход!

Деткор *Яша Хелемский.* Киев

СЕГОДНЯ В ПИОНЕРЕ

„Чудесное явление“—Замчалов; „Звено Буденный“—Камбердиев; „Что мне делать с моим сыном“; „Деткоры о колхозах“; „Лагерь в новой жизни“; „Мы в социалистическом городе“; „С книгой в лагеря“; „Жизнь на трибуне“—Кассиль; „Поэт пролетарской революции“—Брик; „Детство Маяковского“ — Маяковская; „Дневник Маяковского“; „Работа Маяковского“.

РАПОРТ МИЛЛИОНОВ

К с'езду деткоров со всех концов Советского Союза поступает рапорт пионерских отрядов. Эти рапорты, поступившие на имя ЦБ ЮП, будут соединены в один рапорт, который от имени пионеров СССР будет зачтен на международном слете в Галле.

Пионерская агитгруппа в Австрии

ЧУДЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Г.П.Б. ка обяз. экз.
Лнгр. 1930 г.
Акт № 4797

(Окончание)

Рассказ А. ЗАМЧАЛОВА
Рисунки Д. ШМАРИНОВА

ДОМА еще не было никого, кроме отца. Отец слез с печки, выбрался во двор и грелся на солнышке. Митька пристал было к нему:

— Тятя, скажи что-нибудь. Ты же большой. Как мне теперь? Если бы я большой был, я бы все знал.

Но отец ничего ему не мог посоветовать.

— Погоди, сынок, надо обдумать. Так нельзя. Знаешь? Поспешишь — курей насмешишь.

— Да, погоди, погоди! Сколько уж я годил.

— Ну, что же теперь сделаешь? Кабы мы сами хозяева были, а то, видишь, какой я хозяин? Ведь нас шесть человек. Куда мы без него, без деда? На одну пенсию разве мы проживем?

Вернулась из поселка мать, пришла бабушка. С улицы прибежали двое Митькиных братишек и сестренка. Они стали просить, чтобы собирали ужинать. Но деда все еще не было, а без него никогда не ужинали. Уж пригнали коров и стало смеркаться, тогда только он пришел. Сестренка выбежала к нему навстречу.

— Дедушка, что ты долго так? Мы есть хотим. Ждали, ждали тебя.

Он отодвинул ее рукой с дороги и молчком прошел в избу. Митька, немного погодя, зашел туда — он сидит без штанов, с опущенной головой. Посидел так, поднял голову, увидал Митьку.

— Ну, чего надо? Марш на улицу!

— Бабушка сказала — сейчас ужинать.

— Ужинать...

Надел поскорее штаны и сам вышел во двор. Постоял там немного, вернулся в избу. Присел на лавку, чуть посидел, встал, начал ходить из угла в угол. Потом опять вышел и опять вернулся. Митька смотрел на него и думал: „Что это он, как сбесился“. Сели ужинать, он ничего не ест.

— Ой, что это ты? — удивилась бабушка.— Сроду так ел хорошо, а теперь не хочешь.

— Не знаю. Живот чтой-то заболел.

— Вредного, наверно, чего съел.

— Должно быть, что так.

Сразу после ужина он велел стлать постель и лег спать. Из-за него и другим пришлось улечься рано.

Митька с обоими братишками спал в передней избе. В этот вечер он долго не мог заснуть. Сперва потому, что не время было, а потом раздумался про деда: что бы такое сделать, чтобы он согласился? Но как он ни ломал голову, придумать ему ничего не удалось.

Дед тоже не спал. Все время слышно было, как он ворочается, сопит, тяжело вздыхает. Кровать под ним скрипела и, должно быть, бабушке тоже мешала спать. Она раза три спрашивала:

— Что, болит? Порет? Надо бы к Ивановне сходить, она бы враз сняла.

Ночью Митька проснулся — они шепчутся. Дед наверно рассказывал что-нибудь страшное, потому что бабушка охала:

— Осподи сусе христе, страсти-то какие! Осподи сусе христе.

Уж сквозь сон Митька слышал, как дед сказал:

— Пойду еще к батюшке завтра, что он скажет?

— Сходи, сходи. У меня там двенадцать яиц есть. Возьми их и ступай.

Утром он с узелком отправился к попу. Вернулся оттуда хмурый. Митька в щелочку из задней избы слышал, как бабушка его спросила:

— Ну что, как?

— Как? Питимью наложил. Сорок поклонов утром и вечером. Да пост: кроме хлеба с водой — ничего. Да через день на озеро ходить. Пока не перестанет являться нечисть, до тех пор не снимет. Хотел молебен служить, да я пока отказался. Где я ему денег возьму?

Митька побежал к Сереге.

— С нашим дедом случилось что-то. Сам не свой ходит. Поп велел ему по сорок поклонов делать, поститься да на озеро зачем-то через день ходить.

— Правда?

— Ей-богу!

— Брось ты божиться. Лучше скажи: с места не сойти. А то — ей-богу. А когда он теперь на озеро пойдет?

— Я не знаю. Завтра наверно. Вчера, ведь, он ходил. Давай поглядим, что он там будет делать?

— Нет, не надо. Он наверно молиться будет, а мы смотреть будем.

— А пионерам нельзя разве?

— Ну да, нельзя. Зачем смотреть на всякие глупости?

Два дня дед ел хлеб с водой. Вечером и утром он подолгу молился и клал по сорок поклонов. А ночью Митька слышал, что он ворочается, кряхтит и вздыхает.

Во вторник к вечеру он оделся, как в церковь, и отправился на озеро. Митька во дворе тесал

колья для плетня. Он дотесывал шестой кол, когда с грохотом отворились ворота и в них влетел дед. Глаза у него были выпучены, ворот у рубахи расстегнут, картуз съехал на затылок, а поясок тащился за ним по земле. Из избы выбежала бабушка.

— Что ты, Петрович, что ты?

Дед махнул на нее рукой и побежал зачем-то на зады. Бабушка за ним. Митька прокрался за ними на баз, нашел в плетне дыру и стал смотреть. За плетнем, на задах, лежали бревна. Дед добежал до них и не сел, а прямо рухнул. Бабушка забегала вокруг него, начала охать и расспрашивать, а он ничего ей не говорил, потом качнул головой и сказал:

— Ну, мать, плохи мои дела. Видно, конец мне приходит.

— Что, аль опять она была? Да не томи ты, сказывай.

— Была, мать, еще как была-то!

— Да ты бы окрестил ее.

— Крестил там уж по-всякому — ничего не помогает. Я думал, у меня поворот мозга выйдет.

— Надо молебен служить.

— Служить, обязательно служить. Завтра опять к батюшке пойду, пускай в воскресенье служит.

★

За четыре дня Семен Петрович сильно исхудал и заметно состарился. Щеки у него обвисли, под глазами появились мешки. По ночам его начало мучить удушье, из-за каждого пустяка страшно билось сердце. Батюшка обещал исповедать его, причастить и отслужить молебен. Но он уже плохо верил, что из этого что-нибудь выйдет.

В четверг, когда подошло время итти на озеро, старуха начала уговаривать его:

— Не ходил бы ты, отец. Куда пойдешь на этакую страсть? Вот молебен отслужим, тогда уж что бог даст. А теперь не ходи.

— Нет, мать, пойду. Надо. Все равно: чему быть, того уж не миновать.

Он собрался и пошел. И опять было, как в прошлые разы. Пока он проходил село и входил в луга, он был спокоен и почти не боялся. Но понемногу в него забирался страх. Чем ближе становилось озеро, тем больше этот страх охватывал его. Опять начало биться сердце, стучало в висках, становилось трудно дышать.

Перед леском, когда до озера оставалось всего шагов двести, он совсем задохнулся. Пришлось сесть и долго отдыхать.

Он стиснул зубы, крепко сжал кулаки и вошел в лес. Прошел шагов сорок, вдруг слышит, его будто зовет кто-то:

— Семен, а Семен!

Голос этакий тихий-тихий, и неизвестно откуда. Семен Петрович оглянулся кругом, никого нет. „Вот до чего дошел,— подумал он,— уж голоса чудятся. Плохо дело!“ Но не успел он сделать два-три шага, как опять послышалось:

— Остановись, Семен.

Теперь уж ясно было: голос шел сверху. Семен Петрович поднял голову — густые липовые ветки, широкие листья и больше ничего.

— Семен! Слышишь ты меня или нет?

Семен Петрович затрясся весь и упал на колени.

— Слышу, слышу,— забормотал он в беспамятстве.

— Гордости в тебе много... Непослушания... А веры мало.

— Господи! Прости ты меня, дурака старого. Сам не знаю, что делаю.

— Вижу, что не знаешь. И за это прощаю тебя. Так уж и быть... Встань и иди к берегу. Не бойся, иди. Что увидишь, помни — это знак мой тебе...

— Господи, а что мне с лодкой делать?

Но ответа на это Семен Петрович не получил. Больше он не услышал ни одного слова.

Когда он прошел к озеру, лодка была у самого берега, между камышей. Как и в прошлые разы, она неровно покачивалась и медленно двигалась против ветра. Но теперь Семен Петрович не боялся ее. Он знал, что это от бога, а бог уже простил его. Что бы ни случилось — не страшно.

Он разделся, влез в воду и смело подошел к лодке. Начал переворачивать ее, она — как припаяна к воде. Насилу насилу перевернул. Перевернул, смотрит — под ней Митькина голова торчит из воды.

— Ты чего тут делаешь?

— Я не знаю.

— Как не знаешь? Зачем ты сюда залез?

— Мне дяденька один велел.

— Какой дяденька?

— Не знаю, он не наш, странный, должно быть.

— Странный? А какой он из себя?

— С бородой. Одежа на нем чудная какая-то: и не голый, и ничего будто нет на нем.

Семен Петрович и заплакал и засмеялся сразу. Он подошел к Митьке, обхватил его голову мокрыми руками и поцеловал ее.

— Ну, вылезай да пойдем домой. Я велю матери завтра вареников наварить с вишней. Ты любишь их?

— Люблю.

— Ну, вот и хорошо.

Он увидел на лодке обрывок цепи и опять прослезился:

— А лодка-то наша. Моя лодка. И цепочку оборвал — господи, господи! Истинно: скажешь горе, чтобы пошла, и пойдет.

Вместе с Митькой они отвели лодку на место и пошли домой. Дорогой Семен Петрович спросил Митьку:

— А где ты увидал этого человека? Как он сказал тебе?

— Я пошел купаться. Не сюда, а в другое место. А он встретил меня. Подошел и говорит: „Не ходи туда. Ступай вон туда, за лесок. Там ты увидишь промеж камышей лодку. Она вверх дном опрокинута. Залезай под нее и сиди“. Я говорю: „Не пойду я туда, тут лучше“. Он как двинется ко мне: „Ступай, тебе говорят“.— „А что ты мне сделаешь, если я не пойду“?— „Сделаю так, что ты, как стоишь на этом месте, так и помрешь тут“. Я испугался и пошел.

Семен Петрович, пока Митька рассказывал, кивал головой, поддакивал и бормотал:

— Так, так. Сказано: не противься злу, а я противился.

Когда Митька кончил, он сказал:

— Вот что. Ты хотел в эти, пионеры, записываться. Так ты записывайся, я ничего не скажу.

— Правда, дедушка? Можно, да?

— Раз говорю можно, значит можно.

В селе они разошлись. Митька пошел домой, а Семен Петрович к попу, рассказывать о чудесном явлении ему господа.

★

От попа он возвращался, как на крыльях. От всех его болезней не осталось и следа. Он как-будто помолодел лет на сорок. Походка у него была легкая, прыгающая. Он даже насвистывал.

В сенях он остановился: в задней избе слышны были голоса и смех. Дверь была приотворена. Он на цыпочках подошел к самому косяку и прислушался. Митькин голос говорил:

— А я ничего не знал. Когда он позвал меня туда и велел лезть под лодку, я думал, они хотят подшутить надо мной.

— Я ему говорю: лезь, а он боится,— сказал Серегин голос.

— Да еще бы, когда вы ничего не объяснили мне. Когда ты рассказал мне все про деда и как надо говорить ему, я сразу полез.

ЗВЕНО

Надежда Константиновна выступлений говорила, что сто слова „я“ употребляют

„Я“

КОГДА Катюша, бессменный отрядный секретарь, делая перекличку, доходит до фамилии „Буденный“,— в воздухе четко раздается уверенный голос:

— Я.

Вы не думайте, что Семен Михайлович Буденный, вождь РККА, надел трусики, навязал пионерский галстук и записался в отряд или что это самоуверенное, твердое „я“ говорит какой-нибудь пионер.

Ничего подобного.

Если вызывается стоящий в строю „Буденный“ — значит десяток пионеров 3 звена в один голос отвечают — „я“.

Считаться за одного и присвоить себе славное имя Буденного звену разрешил совет отряда после того, как оно подало такое заявление:

„В совет X отряда от звена „Буденновцы“

ЗАЯВЛЕНИЕ

С сегодняшнего дня мы, пионеры звена „Буденновцы“, решили слить все наши интересы и вообще быть как один человек. А так как один человек во множественном виде существовать не может (за это поручится наш учитель по русскому языку Александр Константинович), то просим название „Буденновцы“ переменить на „Буденный“.

От своих старых фамилий отказываемся и просим вычеркнуть их из списка, вписав вместо них наше общее имя.

Подписали:

Прежде — 3 звено — „Буденновцы“,
теперь просто „Буденный“.

И действительно с тех пор ребята совсем переменились. Друг от друга ни шагу.

В школу приходят без опозданий, все в одно время, минута в минуту.

На перемене соберутся, возьмутся дружно за руки, образуют кольцо и начинают какую-либо игру.

Г.П.Б-ка обяз. экз.
Лнгр. 1930 г.
Акт №

„БУДЕННЫЙ“

М. КАМБЕРДИЕВ.

Крупская в одном из своих р бата все чаще и чаще вместо слово „мы“.

Смотришь — круг расширится, в игру втягиваются „индивидуалисты“, и образуется организованная перемена.

Вечером „Буденный“ начинает учить уроки.

Собираются в доме одного из десяти, рассаживаются вокруг стола и начинают работать.

Семья уже знает, что звено занято делом и мешать нельзя. Кто уходит по делам, а кто и к столу присядет, внимательно вслушиваясь в деловитые голоса ребят.

Когда кончается последний день пятидневки, ребята начинают совещаться: куда завтра итти и как провести день? Чаще всего — на каток.

Соберутся в выходной день где-нибудь, коньки подмышку, и айда по общей сезонке. На катке всегда оживленно. Лед, особенно вечером, разноцветными вспышками отражает электрические огни.

Люди, позабыв о будничных делах, о службе, о школе, о работе, об уроках, ну, положительно о всем на свете, носятся по ледяному кругу. Вот мчится „Буденный“, задавая на катке тон... Потрое за руки, впереди вожак.

Ветер приятно хлещет навстречу.

Вдруг вожак переворачивается на льду, делает сильный толчок вперед и, оборачиваясь, кричит:

— За мной, гоп!..

У ребят расплелись руки, все перемешиваются, один миг... и каждый вскидывает руками к плечам едущего впереди.

„Буденный“ заворачивает красивой фигурой, сплетясь извивающейся вереницей.

С тех пор, как ребята спаялись, видно, что всех их заметно больше начали уважать и в школе, и в семье, и на улице. Теперь не заденет даже какой-нибудь хулиган, знает, что за плечами одного — девять, как на подбор.

В глазах отряда звено поднялось во-как!

Хотя оно по номеру и третье, а нос утерло и второму, и первому.

Поэтому, когда отрядный секретарь Катюша, держа в руках список, спокойно произносит:

— „Буденный!“ Ребята гордо отчеканивают:

— Я.

— Мы нарочно не хотели говорить тебе. Боялись, выдашь как-нибудь.

Митькин отец спросил:

— Кто это у вас придумал такую штуку?

— Володя. Он у нас головастый, все знает. Первый-то раз мы так просто баловались. Там у лодки цепь в одном месте размыкается. Мы взяли лодку и стали купаться с нее. А он нам показал: ее если приподнять всю и сразу бросить на воду вверх дном, то под ней воздуху много собирается. Тогда под ней можно одной рукой держаться за лавочки, а другой грести. И дышать можно. Пока мы так плавали, Володя выбежал на берег и увидел деда. Тут он сразу и придумал все. Он же и за бога был. Оплел себя всего ветками, листьями, — мы, на что знали, и то не могли увидеть его на дереве.

Семен Петрович рванулся было с места, чтобы бурей влететь в избу. Но тут заговорил Митькин отец, Иван, самый ненавистный из всех сыновей Семена Петровича. Он сказал:

— Да...

И закашлялся. У Семена Петровича моментально составился план: дождаться, когда он тоже станет насмехаться над ним. Как только он скажет что-нибудь особенно нехорошее, обзовет как-нибудь, влететь и закричать: „Ага, ты так? Вон отсюда!.. Чтобы духу твоего тут не было. И пионеров своих забирай!"

И он, как только Иван прокашлялся, подался вперед, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Да, повторил Иван, — головастый он у вас, этот Володя, да не очень.

— Почему не очень?

— А вот почему. Одного он пионером сделал, а другого... С другим-то что вы сделали, об этом не подумали? Ведь он чуть не помер со страху. Ему семьдесят лет, а вы, паршивцы, заставили его четверо суток дрожать.

Он опять закашлялся. Видно было, что он страшно обозлился. Серега робко спросил:

— А... как же надо было?

Показать, объяснить другим, что никакого бога нет, что можно без него все сделать так, что лучше не надо. А вы сами богом прикрываетесь. Он теперь что подумает, если даже узнает все?

Лодку отвели на место.

„Значит, им нечем крыть, если они меня богом же и взяли". А не узнает — еще хуже: сам еще больше уверует и другим расскажет про чудо... Эх, вы!

Семен Петрович вместо того, чтобы ворваться в избу, повернулся и тихонько на цыпочках вышел во двор. Широкое, толстое лицо его улыбалось.

„Ишь ты, — думал он, — Ванька-то... Ничего он все-таки. Пожалел отца на старости лет. А я думал"...

К нему подбежала старуха.

— Ну что, опять была?

— Нет, не была. Это так чья-то, пустая была. А стоны мне почудились. Я, мать, думаю этого... Молебен-то не надо служить...

Он на цыпочках подошел к косяку и прислушался.

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ С МОИМ СЫНОМ

ПРОЧЕЛ я письмо Буринина в редакцию „Пионера“ в № 4 нашего журнала и, конечно, пожалел его, пожалел, что отец так плохо к нему относится. Побоями и руганью ничего не добьешься. Но не все отцы такие. Например, я своего сына никогда не бью и не ругаю нехорошими словами. А что я вижу в ответ? Ничего хорошего, несмотря на то, что ему уже 15 лет, он пионер и кончает в этом году семилетку. Учится он и ведет себя в классе плохо, учителя жалуются, что на их замечания отвечает дерзостями. Дома бывает только, когда рисует и пишет стенгазету; тогда к нему не подходи, меньшего брата прогоняет ударами ноги!

Обедать приходит не во-время, проглотит наскоро кусок и бежит в красный уголок, в кино, на физкультуру и еще куда-то. Когда спросишь: „куда идешь?“ Отвечает: „туда“, спросишь: „что делал?“—„ничего“, спросишь: „когда вернешься?“—„не знаю“. А возвращается поздно почти каждый день: то в 11 ч., то в 12 ч., а недавно даже вернулся в $1^1/_2$ ночи.

Дверь на крючке, стучит в нее на весь дом каблуком. Ложимся мы в 10 ч. спать: ведь, на работу нужно вставать в 6 ч. утра. За день измотаешься ужас как. От стука просыпаешься и идешь по холодному полу открывать дверь. А потом часа два — бессонница. Прислуги у нас нет, и потому жена весь день хлопочет по хозяйству; я и младший сын помогаем, что можем (посуду вымоем и подметем). А наш пионер даже свою кровать утром постелить не хочет, в школу бежит.

Хорошо ли он себя ведет? Как вы думаете? Посоветуйте мне, дорогая редакция, что мне делать с моим сыном, как дать ему понять, что нельзя смотреть на отца, только как на лакея и машину для зарабатывания денег, на мать,—только как на кухарку, прачку и т. д., а на младшего брата,— как на собачонку, заслуживающую только грубого слова или пинка ноги.

Отец *Николенко А. П.*

Кичкас. Днепрострой,
пос. № 4, д. № 2.

ОТ РЕДАКЦИИ: *редакция просит пионеров помочь отцу Николенко и, обсудив у себя на совете отряда вопрос о его сыне, прислать свои предложения в редакцию.*

ПРОШУ СОВЕТА

Дорогая редакция! Я хотя и мало читаю „Пионера“, но все-таки думаю, что вы можете дать мне хороший и дельный совет. Дело идет о моем отце. Отец пьет ежедневно, почти не просыпаясь. Семья наша состоит из 7 чел. Отец получает пенсии 13 руб. и 18 руб. за квартиры в месяц. Дом у нас свой. Но эти 31 руб. не все уходят на нужды семьи: 5-6 руб. в месяц ему нужно пропить обязательно. Мама выбивается из последних сил, чтобы нас прокормить и хоть немного обуть и одеть. Иногда мама ходит к поезду с молочными продуктами, яйцами, а летом — с помидорами и др. овощами. Кур у нас немного водится и есть маленькая корова, но и это немногое приходится продавать, чтобы приобрести одежду или обувь.

В последнее время мама стала плохо себя чувствовать. Может быть, ляжет в больницу. И тогда я не представляю, что будет с нами. Отец просто искалечит нас.

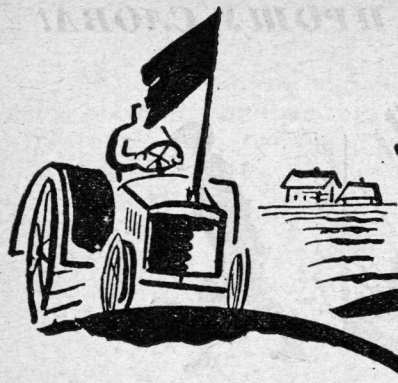
Теперь я скажу об отце. Если у него нет своих денег, то он у кого-нибудь выпросит. Пьяный приходил домой или еще приводил с собой таких же товарищей и устраивал пьянку. Он старается придраться ко всякой мелочи, драл за уши ребят, колотил по чем попало и чем попало, не оставляя в покое даже грудного ребенка, издевался, хватал его за ручонки, уши, теребил за волосы, бил по голове. Выражался самыми безобразными словами. Бьет нас, и это называет воспитанием.

„Натешившись“ с ребятами, он уходил в другую комнату и начинал бить, ломать, что попадалось ему в руки. Мама, конечно, ему не давала этого делать, получая за это побои. Вообще-то синяки с тела мамы никогда не сходят. Все эти разрушения он делал, чтобы больше расстроить маму, больше подразнить. „Если ты сейчас же мне не достанешь вина (хотя времени было часов 10-11, когда все лавки закрыты), то я все изломаю, того и этого не будет“, наступал он на меня. Издевался он, как мог, часов с 12 или даже с самого утра, не давая ничего делать, и до 12 и 1 часу ночи не спал и спать не давал маме.

Постоянные тычки и пинки как мне, так и ребятам приходится выносить как обычное явление. Меня он, например, побил один раз за то, что я его назвала пьяным. Тогда он насадил мне синяков и порвал белье, выгоняя из дома ночью. Я взяла свои слова обратно, и тогда он пустил меня спать.

Например, он придирается ко мне за то, что когда я мою посуду, то стучу ею как-нибудь, „не-

(*Окончание на 11 стр.*)



Деткоры о колхозах

КОГДА в начале этого года мощная волна коллективизации прокатилась по стране, то очень многими местными работниками были допущены ошибки, перегибы. От успехов у них закружилась голова, и, вместо того, чтобы убедить крестьян в том, что они должны вступать в колхоз, что в колхозе им будет легче жить, что без коллективизации не будет социализма, — эти горе-коллективизаторы загоняли крестьян в колхоз насильно. Очень часто во главе колхоза оказывались кулаки и так „работали", что колхозы разваливались. Вот о таком случае кулацкой работы рассказывает нам деткор Пантюхин из деревни Гридино.

КОЗЛЫ В ОГОРОДЕ

У нас в деревне Гридино организовался колхоз. Коллективизировалась только часть деревни. Понабрались туда самогонщики, взяточники, пьяницы. Председателем колхоза выбрали сына трактирщика — тоже пьяницу.

Одним словом — чуждый элемент.

Пойдут эти колхозники косить траву в 4 часа, а начнут косить в 7-8 часов: у одного просидят час, у другого час... А после косьбы выпивают. Бабы идут картошку рыть — и тоже с собой водки берут.

Сын трактирщика—тоже пьяница.

Учет работы совсем не велся. Председатель говорит: „Бумаги не было, не на чем было писать".

Чуть ли не каждый день приезжали к нам фабкомовцы из Шувойской фабрики. Собирали собранья и говорили, чтоб все гридинские крестьяне вступали в колхоз. Но наши мужики видели, как работают колхозники, и не хотели итти в колхоз. Тогда председатель фабкома говорил:

— Все должны вступать в колхоз в обязательном порядке. А кто не войдет — примем меры: выключим из списков бедноты и не дадим хлеба!

Как сказал, так и сделал.

А яростней всех обрушился на крестьян Ефим Менетов, этот мужик-кощей. Страшный такой. Когда ходит, шею вытягивает, как гусь. Его так и зовут „Тега".

Так вот он всегда кричал:

— Кто не войдет в колхоз, того мы сожмем в кулак. Земли ему дадим самой плохой, за шесть километров от дома. Ссылать будем вместе с лишенцами! Хлеба не дадим! Волей-неволей придете в колхоз!

Крестьяне слушали, понурив головы, у всех волосы становились дыбом, но в колхоз не шли.

Потом правление колхоза административным порядком закрыло часовню.

И не знаю, что было бы дальше, если бы не статья Сталина „Головокружение от успехов". После этой статьи злостные перегибщики были привлечены к ответственности, а классовые враги исключены из колхоза.

Егорьевский р-н, Московская обл

Деткор *Пантюхин, дер. Гридино*

О подобных же перегибах пишет нам деткор Паршин из деревни Банново, Воронежской губ.

ТОРГОВЕЦ В „ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ"

Наш банновский колхоз назывался „Путь к социализму", а организовал его бывший торговец, который пролез в партию. Он раньше торговал мануфактурой.

Устав говорит, что колхоз должен быть организован на добровольных началах. А наш организатор загонял в колхоз с винтовкой.

Правление колхоза стало раскулачивать маломощных середняков, которые не вступали в колхоз. Вот какие беспорядки заметил я в нашем колхозе.

Ну, а теперь все по другому. Кулака-председателя, того самого, который преследовал бедняков, помогал кулакам и вместе с ними пытался развалить колхоз, раскулачили и посадили в тюрьму. И теперь колхоз у нас организовывается на добровольных началах.

В селе Никитском, Курского окр., кулаки действовали исподтишка. Деткор Грибанов так рассказывает про свой колхоз.

НЕ ВЫГОРЕЛО

У нас в селе Никитинском организовался колхоз „Свой труд". Сначала записались все крестьяне. Но тут стали распускать всякие слухи — говорили, колхозникам будут номера и печати ставить и будут голодом морить... А кто говорил—неизвестно. Но только, в результате, почти все выписались из колхоза. Осталось всего во-

семь дворов. Ну, не испугались, работали как следует. Весной все сразу выехали пахать и сеять. Пахали плугами-культиваторами. Бороны у нас тоже не простые, а зигзагами. И сеяли не горстью, как единоличники, а сеялкой. Ну уж и рожь была хороша!

Подошла страдная пора — косили рожь машиной. Откосились не позже других, а еще раньше. Рожь делили копнами, и каждый к себе возил. Работали все вместе и хлеб разделили по душам.

Крестьяне посмотрели, как мы работаем. Видят — никаких печатей не припечатывают, а хлеба-то у нас оказалось больше, чем у них. Наплевали они на все кулацкие басни и осенью все присоединились к нам. Под зябь пахали уже сообща, всем селом.

Как ни старались кулаки развалить колхоз, а их дело не выгорело.

Часто наши колхозы никак не могут стать твердо на ноги. Урожаи плохие, хозяйство слабое. Хотели бы колхозники наладить дело, поправить хозяйство, а не знают, как. Нехватает у нас хорошего крепкого руководства.

Вот что пишет нам деткор Донцов из села Боронина, Курского округа, о колхозе, которым руководил совхоз, и о колхозе, которым никто не руководил.

ДВА КОЛХОЗА

Наши колхозники всегда работали на трехполке. А в совхозе, который рядом, введено восьмиполье. Когда совхоз переходил на восьмиполье, крестьяне смеялись над этим. А потом, когда увидели, что при восьмиполье урожай лучше, и сами перешли на восьмиполье.

Приходил в наш колхоз агроном, разъяснял, что землю надо удобрять минералами. Наши мужики как-то этому не доверяли. „Как это от известки земля будет рожать лучше!“ А пошли в совхоз и убедились, что от минеральных удобрений действительно урожай лучше. И сами стали применять эти удобрения.

По примеру совхоза, посеяли рожь рядовой сеялкой,—хорошая вышла рожь. Научил их совхоз делать питомники, сажать фруктовые деревья. И все работы наши колхозники стали выполнять по указанию совхоза, и хозяйство у нас окрепло, а урожаи стали на-ять!

А эти вредители, вместо того чтобы косить, все время пили горькую.

Мужик-кащей запугивал крестьян.

А вот в другом селе тоже организовался колхоз. Но там нет совхоза и колхозники не знали, как правильно посеять, как вести хозяйство. И у них ничего не вышло. Посеянное взошло плохо, хлеба было мало. И хозяйство тоже слабое, не доходное. Работают много, а толку нет. А все это потому, что некому им объяснить, как надо коллективом обрабатывать землю и вести хозяйство.

★

Теперь у нас в СССР объединяются уже не только единоличники, но и целые колхозы, потому что, чем крупнее хозяйство, тем легче работать и выгоднее вести хозяйство. Живым примером может служить письмо деткора Костюшина из Уманского округа.

„ДРУЖНО—НЕ ГРУЗНО, А ВРОЗЬ—ХОТЬ БРОСЬ“

Есть у нас на Кубани хутор Веселый. В нем шесть маленьких колхозов, семей по 10 в каждом и гектаров по 150 земли.

Трудно было работать этим колхозникам. Те машины, которые у них были, использовались недостаточно. Например, трактор может вспахать 200 - 250 *га* земли, а у них он пашет 100, потому что у них помалу земли. А сеялки, сноповязалки, молотилки еще меньше использовывались.

Правления в колхозах работали плохо. Да и немудрено. Ведь из десяти человек трудно найти хорошего организатора, да и не всякий идет. Дело доходило до того, что в некоторых колхозах в председатели избирались по очереди. При таком руководстве получалось не хозяйство, а бесхозяйственность.

Видят колхозники—дело не ладно. Думали-думали — в чем же корень зла? И поняли, что потому у них дело не ладится, что очень мелки их колхозы.

— А не объединиться ли нам? — стали поговаривать колхозники.

А сельхозартель „Вольная“ и товарищество „Свободный гражданин“ долго раздумывать не стали—взяли и объединились. На них глядя, слились и остальные четыре колхоза. А в нынешнем году, к осени, эти два объединения хотят соединиться в один большой колхоз, на 10 тысячах гектаров земли.

И теперь колхозники уже увидели, что, чем крупнее колхоз, тем больше сил и средств, тем легче работать и тем скорее мы придем к социализму.

ЛАГЕРЬ В „НО

1. В колхоз „Новая Жизнь“

ПОЕЗД...

Перестуки... Перепрыги... Перестук-стук-тук... Перепрыг-прыг-пр-ы-г 60 километров от Москвы. Поезд далеко позади оставил серо-кисейное облако московской пыли. Из средних вагонов прыгают новые жители, летние переселенцы, пионеры 82 го отряда.

Секунда оцепенения. Свет солнца ослепляет. Зажмурились.

Открыли глаза. Влево зелень. Вправо лес... Пр мо — ели... Зелень манит. Прохлада ветерком завлекает. Хочется бегать.. Работать... Кричать... Петь...

— В цепь, команда!

Длинная живая цепочка извивается от вагона до изгороди у вокзала.

— Подавай, команда!

И по рукам, как мячи, запрыгали сундучки, подушки, баульчики, корзинки...

— Стоп, команда! Стройся!..

Вдали колхоз „Новая Жизнь“. Там придется поработать. Сколько неожиданного, радостного и, может быть, печального впереди.

— Да, это был наш первый лагерь в колхозе. Но мы не знали, что в „Новой Жизни“ мы встретим старый быт,— вспоминали ребята.

2. Не все то золото...

„Все, что есть в колхозе, не запишешь в дневник. Я решил вести дневник и хотел описывать все, что я увижу в колхозе. Но видел я так много, что всего не напишешь. Видел я громадный скотный двор. Еще видел комбайн. Это по-моему сельс охозяйственный завод на колесах. Когда он работает, то удивляешься, неужели у этой машины нет мозгов. И как она работает! Как человек! Еще видел я ясли и общую столовую, которая находится в маленькой избе одного колхозника. Еще видел то, что не могу описать. Это „то“, что не имеется у не-колхозников Это, — ну, как записать? — л е г к о е и веселое, радостное настроение у колхозников. Потом я заметил еще разницу — это колхозники говорят „мы“, а не-колхозники говорят „я“. Я удивляюсь, почему у них не коммуна.

Записывал в дневнике не помню какого числа. Миша“.

„Я дежурила по детплощадке, которую организовал наш отряд в колхозе. Из этой детплощадки мы выберем ребят и создадим отряд. Теперь, как говорится, готовим почву. Я говорила с ребятами. Они мне все рассказали. Вот что они мне сказали.

ВОЙ ЖИЗНИ“

Сенька Косогор:

— Папанька сказал: „Не ходи в пионеры. Осенью вас всех через мельницу пропустят и на удобрение. Теперь у советской власти удобрения мало“. Я и не пойду.

Маруся Иванова:

— В пионеры если теперь запишешься, то обязательно надо вступать в колхоз. А то нас выселят.

И много другого, и плохого и хорошего, говорили ребята о пионерах. Колхозники больше заступались. А неколхозники много говорили против. Конечно, опираться придется на колхозников.

А потом еще нет средств не только для пионерского отряда, но и для работы по детплощадке. Так работать трудно. Надо поговорить на совете отряда. Может быть, или субботник или постановку, или... (эта строчка в дневнике не дописана). Это дневник пионерки Сони Бойко.

— А говорят, долой эксплоатацию...

— Нашли себе дурачков. Кому забава, а кому прибыль...

— В колхозе и так душ много. Нам бы помогли. Мы — бедняки.

Такие разговоры слышали мы все, когда наше звено шло на работу на колхозные поля.

После работы на полях часть звена забастовала. Весь спор вышел из-за того: Димка сказал, что не-колхозникам мы тоже должны помогать. А большинство звена говорило: „Нет, только колхозу. А если им трудно, то пусть вступают в колхоз“. Много мы спорили, но наши „забастовщики“ ни за что не хотели с нами согласиться. На совете отряда все согласились, что большинство было не право. Мы должны помогать крестьянам-беднякам и не-колхозникам. Но наша помощь, конечно, должна быть такая, чтобы эти бедняки поняли, что в колхозе лучше.

И правда, не виноваты, ведь, эти бедняки, что они еще не поняли хорошо, что такое колхоз. А мы поняли и должны им рассказать. Это задача нашего 2-го звена на данное время“.

„Я вот уже год работаю председателем совета отряда. Но никогда не знал, что могу быть в таком положении.

Вчера пришла к нам дочь кулака. Он лишен избирательных прав. Она захотела уйти от родителей и просила, чтобы мы ее взяли в отряд или приняли в колхоз. „Вы все умеете,— сказала она.— Вы все знаете, а вот я никак не знаю, как мне быть“. Тогда совет отряда решил поговорить с правлением колхоза и поставить там этот вопрос. А ее взять под особый контроль“.

3. Лагерь в „Новой Жизни“

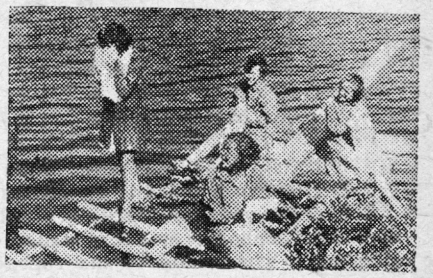
Тысячами мелких производственных нитей был связан лагерь и колхоз. Ребята, как кролики, копались в в этой жизни, помогали колхозу, выясняли положение и агитировали за колхоз. Ребята организовали специальный уголок колхоза. Вот отделы уголка:

1. Что посеял не-колхозник.
2. Что посеял колхоз.
3. Что есть у единоличника и чего нет в колхозе (здесь были изображены: нищета, голод, пьянка и т. д.).
4. Что есть в колхозе и чего нет у единоличника (общественная столовая, ясли, трактор, комбайн и др.).
5. Чем питается колхозник и не-колхозник (меню).
6. Как улучшается жизнь колхозника.
7. Где нам лучше (отдел животноводства, скотоводства, птицеводства).
8. Сколько часов работали колхозники на полях раньше (когда были еще не-колхозники) и сколько им приходится работать теперь.
9. Кто классовый враг колхоза (типы кулаков, ложные слухи и т. д.).
10. Буржуазия о колхозах (вырезки и карикатуры из газет).
11. Колхозное движение в СССР (пятилетка, альбомы, вырезки и т. д.).
12. Чем наш лагерь помог колхозу.

★

„Готовь сани летом, а телегу— зимой“,— так говорится в пословице. Поэтому и сейчас, прежде чем выехать в лагерь, надо подробно наметить, что там можно провести.

Прежде чем создать такой уголок, надо пожить и поработать, все узнать, со всем ознакомиться. В колхозе заранее распределить работу в отряде между звеньями и ребятами.



Конкурс читателей журнала „Пионер“ „Как нам жить“.

Стенографический отчет конкурсной комиссии

ЗАПИСЫВАЛА стенографистка Нина Семашко.

Литературная обработка стенограммы Мин и Дорина.

Председатель конкурсной комиссии. Товарищи, за истекший период к нам поступили на отзыв новые проекты по построению социалистических городов. Нам придется зачитать все проекты и рассмотреть планы, которые присланы ребятами.

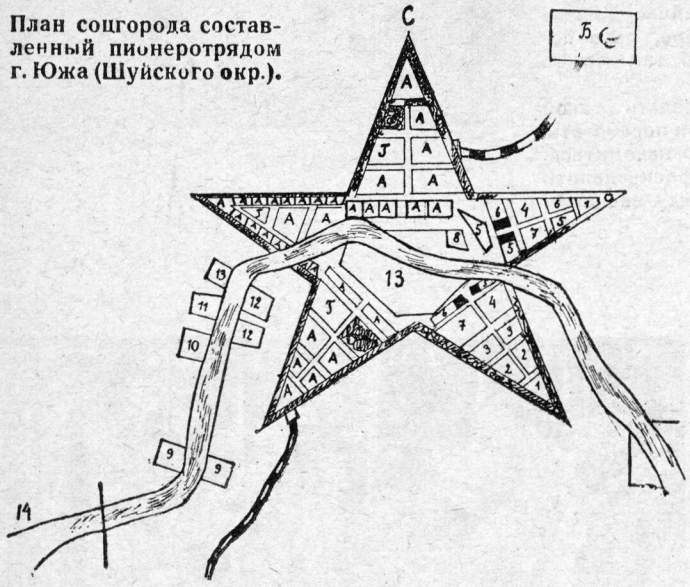
Слово предоставляется секретарю конкурсной комиссии для чтения проектов.

Секретарь конкурсной комиссии (читает). Проект детколлектива Яши Холемского, отряд ЮП при химзаводе им. Свердлова, гор. Киев.

1. Строить надо начать теперь

На ряду с примусным, закопченным бытом зарождается новый социалистический быт в образе прекрасных зеленых городов. День за днем завоевывается будущее. На Урале, на Донбассе, в Сталинграде, по крупным колхозам произведена закладка новых городов. И в этих городах уже по-новому нужно организовывать жизнь ребят. Детгородки нужно начать строить теперь, чтобы на этом примере вся страна, весь мир поняли, как нужно воспитывать новых людей.

План соцгорода составленный пионеротрядом г. Южа (Шуйского окр.).



А — Рабочие кварталы.
Б — Совхоз „Пионер“.
В — Спортплощадь.
Г — Рабочие клубы.
1 — Научная школа астрономии.
2 — Школа II ст.
3 — „ I ст.
4 — Производственные курсы.
5 — Ясли.
6 — Детплощадка.
7 — Пионерский клуб.
8 — Памятник Ленину.
9 — Электростанция.
10 — Бумагопрядильная ф-ка.
11 — Красильня.
12 — Кожзавод.
13 — Текстильная ф-ка.
14 — Лагеря.

2. Цель воспитания — дать нового человека, крепкого, стойкого, здорового, выдержанного коллективиста с многосторонними навыками и знаниями, всесторонне развитого большевика.

3. Где жить? Ребята должны жить в коллективе. Для ребят младшего возраста при домах-коммунах, при жилкомбинатах должны существовать „коммунки“. Школьный городок должен занимать огромное пространство, он должен развернуться во всю ширь. Помещения должны быть большие, просторные, со стенами из ультрафиолетового стекла, которое пропускает живительные лучи солнца; тогда ребята не будут чахнуть.

4. Детская коммуна. Коммунка — при доме-коммуны. Ей отводится лучшее помещение, солнечная сторона, окна к югу и т. д. Нужен хороший обслуживающий штат, достаточное количество нянь, уход, чистота, питание. Коммунка делится на 2 части:

1) ясли;

2) коммунка дошколят с рациональным распорядком дня. Нужен сад и, огород, чтобы ребята сами его возделывали. Дошколят нужно связать с окружающей жизнью путем экскурсий. Работа должна строиться по примеру октябрят. Один раз в день дошколята видятся с родителями, но родители должны знать, как себя вести.

5. Как привлекать взрослых. При каждом предприятии при каждом учреждении должна существовать „ячейка воспитания ребят“. Члены ячейки — взрослые. Руководит группой инициативное бюро, которое организует экскурсии к детям, проводит лекции опытных детработников и т. д.

6. Школьный городок — объединяет ребят школьного возраста. Школьный городок должен иметь следующие части: 1) интернат (общежитие); 2) учебный корпус; 3) производственный корпус; 4) клуб; 5) медицинская амбулатория, 6) спортплощадка.

7. Интернат основан на хорошем уходе, точном распорядке дня, гигиене. Ребята должны приучаться к самодеятельности. Всюду дежурства самих ребят под надзором взрослых. В интернате — помещение для сна, столовые, комнаты для отдыха и т. д.

8. Учебный корпус. В нем ряд классов. Вся учеба ведется в лабораториях, где ребята сами участвуют в производстве опытов. В учебном корпусе необходим лекционный зал с хорошей киноустановкой. Тогда ребята, например, изучая дальнюю область, тут же просматривают на эту тему картину. Учебников должно быть немного. Зубрежка должна уступить место живому восприятию в лабораториях. Книги должны иметь только лишь то, что в жизни нельзя увидеть или узнать. Книги, учебники находятся в большой универсальной библиотеке при школьном городке.

9. Производственный корпус. Это ряд хорошо оборудованных мастерских. В известные часы ребята в этих мастерских получают трудовые навыки. Кроме того, необходимы частые экскурсии на ближайшие предприятия и практика на этих предприятиях.

10. Клуб и общественная работа. Клуб — центр общественной жизни. К тому времени пионерорганизации, как таковой, не будет. Все ребята будут пионеры. Пионерская работа должна будет слиться с работой всего школьного городка. Общественная работа должна развернуться далеко

за пределы городка. Городок не имеет права быть замкнутым, а должен быть тесно связан с окружающей жизнью.

В клубе должна быть мощная радиоустановка и небольшая радиостанция. Время от времени можно устраивать радиопереклички между городками и обмениваться опытом. Всей общественной и культурной работой, всеми секциями руководит выборный совет ребят с представителями от педагогов.

11. Спортплощадка особых объяснений не требует. Зимний и летний спорт должен быть развит одинаково. Вся работа происходит под наблюдением врачей и опытных спортсменов.

12. Мое заключение. Так я представляю себе недалекое будущее. Если хоть часть моего проекта принесет пользу, это уже значит, что конкурс себя оправдал. Ведь из каждого проекта по куску — вот и одно целое. Наши проекты помогут разрешить эту волнующую проблему тем товарищам, которые по данному вопросу работают специально.

Председатель конкурсной комиссии. Проект деткора Яши Холемского окончен. Есть предложение вынести его на обсуждение и поместить в журнале.

Голоса. Не возражаем.

Председатель конкурсной комиссии. Товарищи! Здесь поступил ряд проектов, написанных карандашом и очень небрежно. Предлагаю их не ставить на обсуждение и разбор в нашей комиссии.

Голоса. Согласны.

Редактор (с места). Мы не раз предупреждали, что материал для журнала должен быть написан чернилами и аккуратно.

Председатель конкурсной комиссии. Приступаем к следующему проекту.

Секретарь (читает). Проект деткора Дмитрия Бовина, г. Воронеж.

Над тем, как улучшить жизнь, я задумывался давно. Писать об этом я боялся, так как думал, что вы просто меня сочтете за фантазера. А теперь, когда объявили даже на эту тему конкурс, я решил написать. Что же меня заставило об этом думать? Заставило думать частое отсутствие родителей, жизнь у знакомых, спанье на полу и многое другое. Часто я спрашивал себя: сколько у нас таких, как я? Ведь из деревень едут учиться в город. Они с трудом находят себе квартиры, живут и питаются кое-как. Это положение нужно изменить. И вот я теперь решил об этом написать в журнал.

Прежде всего надо будет:

организовать общежитие

В этом общежитии должно быть: свой кооператив, баня, специально приспособленная для ребят. Под общежитие должна быть отведена лучшая часть дома, где можно было бы и провести культурный досуг и получать нужные навыки. Такие общежития раскрепостят наших матерей и отцов. Надо, конечно,

перестроить школы

Во-первых, здания. Сейчас в наших школах тесно, темно, учатся в 2 3 смены. В новых школах этого не должно быть. Классы должны быть просторны, проветриваться вентилятором. Так же, конечно, должна быть устроена специальная школьная мебель, парты, столы, стулья, вешалки — все должно быть приспособлено к возрасту ребят.

Во-вторых, учеба. Она должна резко отличаться от теперешней сухой, книжной учебы. Уголки, библиотеки, мастерские, лаборатории, кружки — все должно быть подчинено требованиям жизни, все должно отражать тот профтехнический уклон, который имеет школа. например, — агрономический, машино-тракторный, технический и т. д. Отсюда возникает вопрос

где строить школы

Школы, чтобы они выполнили свое задание, должны строиться ближе к фабрикам, заводам, совхозам и т. д. Только так можно добиться приближения детей к производству.

Наступает весна, дни становятся теплее, учащихся нужно переводить на свежий воздух. Для этого столики и скамейки должны быть так приспособлены, чтобы их легко можно было складывать, чтобы по весу они тоже были легки. Тогда, взяв их и нужные книги, учащиеся уходят заниматься в сады, на поля и луга. Так я представляю себе новую жизнь. Напишите, правильно ли я все представил.

Председатель конкурсной комиссии. Предлагаю из остальных заметок сделать стенную газетку читателя. Кому поручить редакцию?

Редактор. Предлагаю Кузьме Федоровичу Пробкину.

Голоса с мест. Правильно, а то он оторвался от редакции.

КОНКУРСНАЯ КОМИССИЯ ИЗВЕЩАЕТ, ЧТО В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ВЫХОДИТ СТЕНГАЗ ПОД РЕДАКЦИЕЙ КУЗЬКИ.

В ВИДУ ТОГО ЧТО В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ КОНКУРС ЗАКОНЧИТСЯ, ПРОСЬБА ПРИСЛАТЬ СВОИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ.

КОНКУРСНАЯ КОМИССИЯ

ПРОШУ СОВЕТА

(Окончание. Начало стр. 5)

правильно“ ем, придирается за всякий мой шаг и др. мелочи.

Теперь в нашем доме какой-то ад, если можно так выразиться: он пьет денатурат, который привозил недавно сюда. Он пьет его, разбавляя водой или брагой. Запах денатурата и оттого, что вместо уборной он ходит в постель или просто на пол, все это делает воздух до того тяжелым, что, войдя с улицы, совершенно нельзя дышать. Вентиляции никакой нет, кроме трубы и дверей. От всего этого страшно болит голова, невозможно заниматься уроками.

Впрочем, всего не опишешь.

Теперь я вас очень и очень прошу дать мне какой-нибудь совет.

Я совсем не знаю, что делать. Ко мне даже приходила мысль, чтобы покончить с собой, но, ведь, от этого не улучшится положение нашей семьи, и я решила искать другого выхода.

Еще раз повторяю, чтобы вы мне ответили на мое письмо.

Адрес: Уральская область, Пермской ж. д., ст. Верещагино, школа ОКРОНО, ученице VII группы *Ташиновой Татьяне Ф.*

★ ★ ★

С КНИГОЙ В ЛАГЕРЯ

ПОСЛЕ того как бригады школьников и пионеров сами посильно участвовали в работах по организации нового труда и быта в деревне, невозможно стало прежнее отношение к лагерной жизни, как к дачному ничегонеделанию.

Бывало, к лагерям перетряхивалось книжное барахло и в походный сундучок запихивалось поспешно все: учебник географии царской России, разрозненное приложение к журналу «Нива» довоенного времени и др. книжные редкости, в надежде, что они могут внести «как-нибудь свет» в некультурное захолустье.

Эта литература освещала исправно нос и усы курильщика, свернувшего из нее цыгарку.

Сейчас деревню взбудоражило волной новой жизни, она ждет от города ответа на жгучие для нее вопросы политики сегодняшнего дня.

Берите с собой книжку о вопросах колхозного движения — Сталин И., «Головокружение от успехов» с приложением «примерного устава сельскохозяйственной артели». Распространяя эту книжку, устраивая громкие читки, беседы, по ней вы не только поможете деревне, но через нее приучите вообще искать ответ на больные вопросы в печатном слове, т. е. приучите к книге.

Такое же значение имеют книжки: Ворошилов, «Будет ли война»; Кржижановский, «Как мы строим социализм» (основные вопросы пятилетки); Калманович, «Зерновые фабрики». Все это госиздатовские «книжки-копейки», т. е. которые стоят только по 1 коп.

Следующий, наиболее интересный деревне вопрос — новые способы культурного ведения сельского хозяйства.

Захватите серию библиотечки журнала «Юный Натуралист», изд. «Молодая Гвардия». Здесь в 25 книжках говорится о культурном животноводстве, огородничестве, хлопководстве и т. д., т. е. о сельскохозяйственных культурах, применимых в той или иной области.

Каждая брошюрка в 10–12 стр., конечно, не может дать исчерпывающих указаний, но она поможет ребятам быть застрельщиками в вопросе о новых формах и методах хозяйства.

Стоимость целой библиотечки около 70 коп. Очень хорошо написана только что выпущенная Госиздатом книжка о садоводстве: Кривоносов З. А., «Игнатов сад», составлена коллективом педагогов-краеведов, 1930, ц. 40 коп. Она построена, как рассказ — о работе маленького коллектива ребят и взрослых в результате закончившейся образованием большой артели садоводства. Эту книжку очень рекомендуем для работ с деревенскими ребятами, особенно в колхозе, где возможно садоводство. При умелом руководстве ребята очень могут пригодиться в колхозном садоводстве.

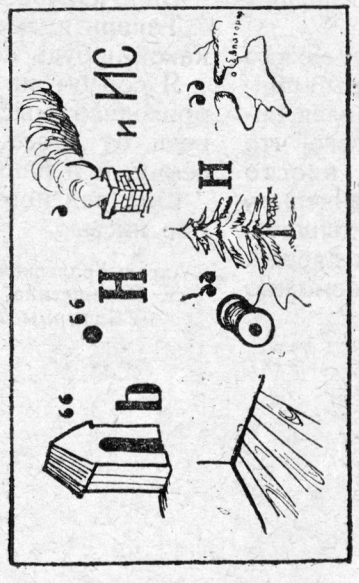
Организация лагеря

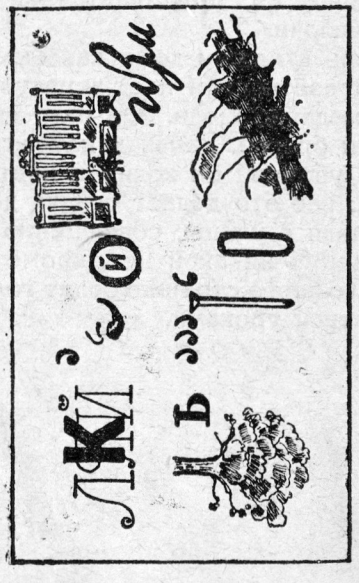
Основное пособие по проведению лагерей, рекомендованное ЦБ ЮП–это книжка Рейхруда М., «Пионерский лагерь», изд. «Молодая Гвардия», 1929, ц. 1 р. 20 коп. Нужно только принять во внимание, что за истекший год многое изменилось в постановке лагерной жизни. Читая эту книгу, нужно учитывать, что она в некоторых вопросах уже устарела.

То же самое нужно сказать о выпущенной в 1929 г. подвижной технической хрестоматии, «Лагерь и площадка», изд-во «Молодая Гвардия», ц. 90 коп. Пользоваться ими можно, более новых, хороших пособий по лагерной работе пока нет.

В виду большого спроса на новую хорошую песню, не плохо познакомиться перед лагерями со сборником «Песни дальневосточной армии», где помещены стихи наших поэтов: Безыменского, Кирсанова и др., написанные ими на конкурс песен. Жаль, что песни напечатаны Госиздатом без нот. Стоит этот сборничек 7 коп.

РЕБУСЫ





В. МАЯКОВСКИЙ

Он сделался рупором величайшего общественного движения, когда от имени миллионов, о судьбах миллионов он стал говорить миллионам.

Прислушайтесь к звуку его песен. Вы нигде не найдете ни малейшей фальши, ни малейшего колебания. Почти перед самой смертью во весь голос он заявляет о своей верности великому делу, которому он посвятил свою жизнь и свой огромный талант.

Маяковский — наш, Маяковский — пролетарский поэт. Маяковский — поэт того будущего, которое мы строим и за которое мы боремся.

А. Луначарский

ЖИЗНЬ НА ТРИБУНЕ

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ осажден. Трещат барьеры. Очереди смяты. Взмокший администратор лысой кукушкой ускользает в захлопнувшееся окошечко. Милиция просит „очистить"... Стекла зудят. Всхлипывают пружины дверей. Гам.

Владимир Владимирович сам еле продрался. Как сказал писатель Шкловский, Маяковский прошел сквозь толпу, как проходит сквозь снег горячий утюг. Он роздал вчера, сегодня, сейчас десятки контромарок, пропусков. Больше нет. Он оскудел. Зал переполнен. Перворядная публика ропщет: сидят в проходах, на ступеньках. Пожарная охрана, где ты? Больше ни одного пропуска. Твердо и определенно. Маленькая закулисная комната задавлена расхаживанием Маяковского. Комнатка теснит его. Владимир Владимирович сторонит широкие плечи.

По лестнице подымается шум осады.

Ма-я-ков-ский! Про-пу-сти-те!

Владимир Владимирович почти сконфуженно говорит мне:

— Кассильчик, пожалуйста... Спуститесь к администратору. Мне уж совестно. Там пришли комсомольцы. Кружковцы. Я им обещал. Пусть пропустят пять человек. Скажите последние. Ну, ладно, заодно — восемь... Словом, десять, и бейте себя в грудь, рвите волосы, выньте сердце, клянитесь, что последние. Он поверит. Девять раз уже верил.

Его появление на эстраде обваливает в котловину зала веселую и приветливую груду хлопков. В одной руке Владимира Владимировича портфель, в другой — стакан чая. Он сотрясает своими шагами пол эстрады. Он двигает стол. Грохочут стулья. Рядком раскладываются часы, книжки, стихи, бумажки. Звенит ложечка в стакане. Маяковский обжился. Он осмотрен и осмотрелся.

— Сегодня я!!! — рявкает он и сообщает программу вечера — ... после доклада — перерыв для изъявления восторгов и отдыха.

— А стихи будут? — жеманно спрашивает какая-то девица.

— А вам хочется, чтоб скорее интэрэсное началось? — так же жеманно басит Маяковский.

Первый раскат хохота. Маяковский с эстрады подчиняет себе зал.

На клубных подмостках, на эстраде, на трибуне прошла почти вся жизнь Маяковского. Отсюда, с трибуны клубов и цехов массы слышали своего поэта. Здесь, на трибуне, окончательно рассеялись басни о непонятности Маяковского для масс.

Трибуна наложила свой отпечаток на все творчество поэта. Он писал свои стихи так, чтоб они хорошо звучали вслух, чтоб их удобно было произносить. Стихи Маяковского хорошо слушать.

Эстрада была для него не только местом чтения стихов. С эстрады он пропагандировал новые

формы искусства и быта. На эстраде он был революционным агитатором, удивительно умевшим овладеть аудиторией. Поэт прежде всего разговаривал со своим читателем — это позволяла ему сделать трибуна. Трибуна была необходима Маяковскому, универсальному мастеру слова, величайшему поэту-оратору. Он делился с трибуны своими планами, мыслями. Здесь он изучал действие стихов, получал оценку своей работы и советы, которые он так ценил.

И вот Маяковский громыхает свой доклад. Собственно, это не доклад. Это — блестящая беседа, убедительный рассказ, зажигательная речь. Она полна интересных, живых и ярких фактов, примеров, сравнений. На головы любителей мещанского искусства, на противников новой революционной литературы рушатся убийственно меткие остроты, оглушающее негодование, хлесткие определения. Маяковский разговаривает. Стенографистки то-и-дело записывают в отчете: „смех и аплодисменты, общий смех, бурные аплодисменты".

Обиженные шумят. На них шикают. Обиженные оскорбляются. Шум.

— Не резвитесь, товарищи, — говорит Маяковский. Он совершенно не напрягает голоса, но грохот его баса перекрывает весь шум. — Не резвитесь! Раз я начал говорить, значит — докончу. Не родился еще такой богатырь, который бы меня переорал. Вы у меня, как проклятые, будете сидеть. В третьем ряду — не размахивайте так страшно золотым зубом! Сядьте. Положите сейчас же газету или уходите из зала. Здесь слушают меня, а не читают. Можете получить деньги за билет. Я вас не задерживаю.

Маяковскому стало жарко. Он снимает пиджак, аккуратно складывает его и кладет на стол.

— Я здесь работаю. Мне жарко. Имею право улучшить условия работы! Безусловно.

Молниеносные ответы разят пытающихся „зацепить" поэта.

— Что? Ну, я вижу, вы ничего не поняли. Собрание постановило считать вас отсутствующими.

Противники никнут. Стенографистки ставят закорючки, обозначающие „смех, аплодисменты". Но вот выскакивает бойкий молодой человек.

— Маяковский! — вызывающе кричит он. — Вы что думаете, что мы все идиоты?

— Ну, что вы? кротко удивляется Маяковский, — почему все? Пока я вижу перед собой только одного...

Потом Владимир Владимирович читает свои стихи. Весь зал, и сторонники, и противники стынут во внимательной напряженной тишине. Маяковский передает свои замечательные стихи с неподражаемым мастерством. Его поразительный голос звучен, бодр и искренен. Все уголки зала заполнены им. Замерли много слышавшие на своем веку и посту капельдинеры у дверей; дежурный милиционер и пожарный приоткрыли рты. Маяковский читает. Слово потрясающей крепости и силы, слово грубое, шершавое, острое, радостное мощно колышет остановившийся воздух зала.

И жизнь хороша
и жить хорошо.

Бешено гремит взволнованный зал. Уже прошел первый жар восторга, но аудитория хлопает топает, кричит.

Еще читает Маяковский. Опять онемел зал. Но вдруг из второго ряда шумно, грузно подымается некий толстый и очень бородатый дядя. Он топает через зал к дверям. Широкая борода лежит на громадном его пузе, как на подносе, зал шикает ему. Но он торжественно несет бороду к дверям. И вдруг Маяковский с совершенно серьезной уверенностью говорит:

— Гражданин... пошел... побриться...

Зал лопается от хохота. Борода растерянно и негодующе исчезает за дверью.

Сотни записок летят на стол. Владимир Владимирович отвечает на них. Он беспощадно высмеивает писульки литературных барышень. С ошеломляющей неиссякаемой находчивостью отвечает он на записки противников. И пользуясь затишьем между двумя взрывами хохота, он опять горячо агитирует на боевую политическую поэзию сегодняшнего дня. Тогда в зале внезапно поднимается худой и очень строгий человек в сюртуке, похожий на учителя старой гимназии. Он поправляет пенсне и начинает распекать Маяковского.

— Нет-с, сударь, извините! Вы изволили в письменной форме утверждать нечто совсем нетактичное об Александре Сергеевиче Пушкине. Изъяснитесь устно. Ну-с?

Владимир Владимирович быстро вытянулся — руки по швам — и сказал школьной скороговоркой:

— Простите, простите я больше не буду.

Кончился вечер, мы едем домой. Усталый Владимир Владимирович наполнен впечатлениями и записками. Записки торчат изо всех карманов.

— Все-таки устаешь, — говорит Владимир Владимирович, — как выдоенный. Брюкам не на чем держаться. Но интересно. Люблю. Очень люблю все-таки разговаривать. Который год, а публика все прет. Уважают, значит. Рабфаковец этот сверху... Приятно. Хорошие ребята... А здорово... я этого, с бородой...

Л. Кассиль

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

В. Маяковский

ПОЭТ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БУРЖУАЗИЯ не любит, чтобы ее тревожили. Она любит, чтобы ее развлекали.

Особенно стихами.

Стихи должны быть гладкие, певучие, тихие. Слова в стихах — красивые, поэтические. Темы — спокойные, приятные, возвышенные.

Ничего грубого, резкого, тревожного.

Стихи должны „ласкать ухо", а не раздирать его.

Таковы требования буржуазии и такова была русская поэзия, когда (в 1913 г.) Владимир Маяковский начал свою поэтическую работу.

Маяковский сразу же пошел наперекор всем поэтическим требованиям буржуазной публики. Никакой ласки, никакой приятности — только пощечина, только удар.

Он сказал об этом в своей поэме „Облако в штанах", обращаясь к салонному поэту:

Как вы смеете называться поэтом
И, серенький, чирикать, как перепел.
Сегодня
Надо
Кастетом
Кроиться миру в череп.

Не для того существуют стихи, чтобы ласкать ухо буржуазной публике, а для того, чтобы дать людям, трудовым людям, новый язык, новые лозунги, новые образы, новую речь.

А то:

пока выкипячивают,
рифмами пиликая,
из любвей и соловьев
какое-то варево,
улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и
разговаривать.

Стихи Маяковского были совершенно не похожи на стихи, к которым привыкла буржуазная публика. Это была какая-то совсем другая поэзия, для буржуазии никак неприемлемая.

Прежде всего были непривычные темы.

В стихах Маяковского нет ни „красивых" чувств, ни „изящных" дам, ни птичек, ни цветочков. Вся его поэзия тогда, в дореволюционное время, была одним сплошным гневным бунтом против жирных, сытых, самодовольных людей; против тех, кто угнетает, эксплоатирует, подавляет. Он выступал от лица забитых, изможденных, измученных людей, которым жизнь не в радость, и требовал для них права участвовать в общем празднике жизни.

Для Маяковского именно эти отверженные жизнью люди были самые близкие, самые родные.

Слушайте!
Проповедует,
Мечась и стеня,
Сегодняшнего дня крикогубый Заратустра.
Мы
С лицом, как заспанная простыня,
С губами, обвисшими, как люстра,
Мы,
Каторжане города-лепрозория,
Где золото и грязь изъязвили проказу,—
Мы чище венецианского лазорья,
Морями и солнцами омытого сразу.

Маяковский пишет о бедноте, о людях, искалеченных капиталистическим строем и выброшенных на улицу.

И пишет Маяковский о них не так, как писали буржуазные демократы, не жалостливо, не со слезой, а гневно, агитационно, призывая всех

Царское правительство тоже не любило, чтоб его тревожили. 15-летний Маяковский был арестован и зарегистрирован как беспокойный элемент. Его сфотографировали, записали все его приметы, завели на него особую карточку...

угнетенных восстать, взбунтоваться против своих угнетателей.

Ясно, что такого рода тематика потребовала от Маяковского совершенно новых, необычных в поэзии слов и оборотов речи. Нельзя было слабенькими, „ласкающими ухо“ словами звать к бунту, к восстанию.

Поэтому в стихах Маяковского сразу же оказались такие слова и словосочетания, которым по буржуазным правилам в поэзии не место: борщ, сволочь, брюхо, запахло жареным, идемте жрать, заспанная простыня, блохастый, обжиревший, крыластый, околевает и т. п.

Некоторые слова приходилось усиливать, чтобы сделать их ударней: выжиревший, изыздеваюсь, изругивался, вымаливался, адище, шумище и т. п.

Некоторые слова даже придумывать заново: квартирное тихо, новородит, медье лицо, губы вещины и т. п.

Но мало того.

Новая тематика и новая стихотворная речь потребовали и новых ритмов.

Маяковский создал для своей агитпоэзии свой особый ритм. Ритм ударный, боевой. Ритм, рассчитанный не на тихое чтенье в уютных гостинных, а на ораторскую декламацию с эстрад и трибун.

Но в дореволюционное время, какая могла быть агитация с эстрад и трибун? За открытый призыв к восстанию против сытых и жирных тогда сажали в тюрьму, ссылали в Сибирь.

Февральская, а затем Октябрьская революции дали Маяковскому то, чего нехватало его творчеству: ясную целеустремленность и массовую трибуну.

Октябрьская пролетарская революция точно указала Маяковскому, где друзья и где враги; кого надо бить и кому надо помочь в борьбе.

Неопределенные представления о сытых и голодных, жирных и исхудалых, богатых и бедных превратились в точные понятия о буржуазии и пролетариате, а жажда бунта — в тактику классовой борьбы.

С первых же дней Октябрьской революции и до последних своих дней Маяковский неуклонно шел по однажды избранному пути. Своим сатирических стихом он бил буржуев, мещан, обывателей, бюрократов, врагов пролетариата, а своим стихом пафосным бодрил и укреплял борцов за социализм.

В своей поэтической работе Маяковский не отказывался ни от какой, самой мелкой, черной работы. В отличие от поэтов, которые ищут обязательно каких-то „больших“ тем для своих вдохновений, Маяковский с радостью и рвением брался за каждое поэтическое задание, если оно было полезно в революционной борьбе.

В гражданскую войну Маяковский писал агитки для „окон РОСТА“, давал лозунги, делал подписи к рисункам.

В годы нэпа он писал рекламы нашим трестам и кооперативам, помогая им в борьбе против частника.

Знаменитое.

„Нигде кроме, как в Моссельпроме“,

над которым посмеиваются „настоящие“ поэтические поэты, сыграло в то время огромную политическую роль, сделав наш Моссельпром популярным не только у нас в Советской России, но и за границей.

Стихи Маяковского несут свою службу на Керченском металлическом заводе

Три смены рабочих отказались работать в туннелях отходящей воды первой домны: грязь, пар, вода, осколки шлака. Комсомолец Карамзин предложил ячейке очистить туннель. Собрание выслушало Карамзина молча. Домну нужно было пустить. ОЧИСТИТЬ ТУННЕЛЬ, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО! Двое малодушных ушли. Ячейка пошла на работу.

Едкий пар застилал место работы. Люди в темном туннеле падали друг на друга. Вода проникала в сапоги. Осколки шлака резали руки. Рабочие отбивали шлак, гнали воду. КОГДА ЯЧЕЙКА ВЫБИВАЛАСЬ ИЗ СИЛ, КАРАМЗИН ЧИТАЛ ЕЙ СТИХИ МАЯКОВСКОГО. На десятый день туннель был очищен — НА 6 ДНЕЙ РАНЬШЕ СРОКА.

Теснейшей связью был связан Маяковский со всеми газетами и журналами СССР. Он считал свою работу в газетах на злободневные темы — основной своей работой. Чтобы вдохновиться, ему не нужно было бежать „в широкошумные дубравы“, как говорил Пушкин, или удаляться „на лоно вод“; именно в шуме повседневной жизни, в обстановке революционной борьбы находил он и темы, и слова, и ритмы своих стихов.

Агитлитературные выступления Маяковского лучше всего опровергают вздорную мысль, будто Маяковский не понятен массам. Кто хотел его понять — понимал, не понимал тот, кто понять его не хотел.

Умер Маяковский внезапно, неожиданно. Умер, застрелившись из револьвера.

Почему застрелился Маяковский?

Обыватели поспешили распустить по поводу самоубийства Маяковского уйму глупейших сплетен. Болтают о какой-то „тайной“ болезни, о какой-то любовной неудаче и еще о какой-то ерунде.

Все это вздор. Причина проста.

Слишком неблагоразумно, слишком расточительно расходовал Маяковский свои физические и духовные силы. Не рассчитал и надорвался. Не справился с мелкой личной неприятностью. Нехватило сил.

Смерть Маяковского—трагическая случайность, И нечего по этому поводу разводить ни сплетен. ни философий.

Литературное наследство Маяковского огромно. Проделанную им работу надо тщательно изучить и исследовать. Это поможет нашим молодым пролетарским поэтам найти способ, как сделать нашу поэзию могучим оружием в борьбе за социализм, как изжить последние остатки буржуазных поэтических традиций, которым не место в пролетарской литературе.

О. Брик

ДЕТСТВО МАЯКОВСКОГО

ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ „ПИОНЕРА", СЕСТРА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА—ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА МАЯКОВСКАЯ—РАССКАЗЫВАЕТ ЗДЕСЬ О ДЕТСТВЕ ПОЭТА

7 ИЮЛЯ 1894 г. родился Володя в селе Багдады, Кутаисской губ.

Отец Владимир Константинович был лесничий, а мама (как называл ее Володя до конца своих дней) была воспитательницей, всецело посвятившей себя детям.

Детство Володи протекало в трудовой деревенской обстановке.

Жили в лесничестве, в окружении грандиозной и разнообразной природы.

Дом всегда полон птиц и животных; лошадь, множество собак, кошек. Об'ездчики, зная нашу любовь к зверям, приносили маленьких живых лис, белок, медвежат, джейранов (диких коз).

Звери — любимые друзья Володи.

Володя рано проявлял самостоятельность. Был настойчив и сериозен.

Едва научился говорить, стал декламировать стихи, которые запоминал со слов.

Помню длинный стол на балконе, Володя сидит в конце, его почти не видно из-за стола, а он громко и четко читает. „В шапке золота литого" или „Был суров король Дон-Педро, трепетал его народ".

Отец гордился его блестящей памятью и заставлял его читать стихи.

Володя со слезами ходил за мамой, упрашивая прочесть что-нибудь.

Лет пяти он выучился читать сам. Первые книжки были: „Птичница-Агафья", „Моя мама", „Первое горе", „Дон-Кихот".

Игрушки любил только заводные, которые немедленно разбирал, интересуясь механизмом.

Любимыми играми были путешествия, с лазаньем по деревьям, заборам, переходы по бурным рекам, карабканье по скалам. Он ловил крабов, которые расползались по всей квартире.

Одно из любимых занятий, придуманных Володей, было скатывание на камнях с горы к реке Ханис-Цхали. Он уговаривал сестру: „Так хорошо лететь вниз, кругом все сыплется, трещит страшно, а все-таки остаешься целым".

С семи лет отец брал Володю с собой в об'езд лесничества на лошади. Этого Володя ждал всегда с нетерпением.

Летом в 1901 г. мы всей семьей ездили в Сухум. Путешествие произвело на Володю огромное впечатление. Потом он целыми днями рисовал пароходы.

Он начал рисовать рано и рисовал хорошо.

В Багдадах не было ни школы, ни учителей, а потому в 1901/1902 г. мама переехала с Володей в Кутаис, где он подготовлялся в гимназию, сначала с Ю. Ф. Глушковской, которая очень его любила и обсуждала с ним каждый вопрос, как со взрослым человеком. Тут же у него были друзья-гимназисты старших классов.

С однолетками мальчиками и девочками, за исключением сестры Оли, Володя не дружил ни с кем.

В 1902 г. Володя держал экзамен в классическую кутаисскую гимназию, будучи болен брюшным тифом. Учился хорошо по тем предметам, которые его интересовали: русский язык, история, география; языков не любил, арифметику также.

На лето всей семьей уезжали в с. Багдады к отцу. Каждую субботу приезжал отец в город и спрашивал, чем теперь занимается Володя. У него были все новые и новые интересы, в которые он уходил весь. То выжигал, то собирал марки, то переплетал книги, то интересовался механизмом часов, и тогда все часы и будильники нужно было прятать. Нужна была ртуть — разбивались термометры. Нужен был прут железный — вытаскивался из кровати. Так любил Володя додуматься до всего сам.

В 1904/1905 г. началось революционное движение, и Володя был весь поглощен им. Читал газеты, журналы, нелегальщину. Ходил на митинги, собрания, сбросил с гимназической фуражки герб, посещал политкружки с сестрой, карауля и покрывая друг друга.

Он весь был охвачен революцией и его письма были наполнены этими впечатлениями. Одно из них мы печатаем ниже.

В 1906 г. умер отец от заражения крови, наколовшись иголкой, и вся семья в июле переехала в Москву.

Здесь пришлось жить в большой нужде.

В 1906 г Володя поступил в 4-й класс 5 й классической гимназии, но через год сам попросил взять его оттуда, так как возможен был арест за участие в политкружках. Мы знали, что Володя настойчив и не изменит своих решений, и взяли его из гимназии. Вскоре он 14-летним мальчиком впервые был арестован и попал сначала в Сущевскую, затем Мещанскую и Мясницкую части. Володя в 1908 г. был арестован за принадлежность к РСДРП(б), за хранение и распространение нелегальной литературы. Он судился вместе с другими товарищами, которых сослали в Туруханский край, но Володю, ввиду его несовершеннолетия, освободили на поруки матери.

В 1909 г. был организован побег из женской тюрьмы. Частью подготовка к побегу шла в нашей квартире.

Володина мама шила гимназические платья для беглянок, прятала ключи, револьвер, смолистый канат, получала нелегальную почту.

В связи с этим делом была засада полиции. Володя был арестован и просидел в одиночке № 103 Бутырской тюрьмы около 11 месяцев. По освобождении из тюрьмы поступил в Строгановское училище и стал заниматься живописью для поступления в училище живописи, ваяния и зодчества.

В это время Володе было 16 лет, и с этого времени начинается его самостоятельная жизнь.

Л. Маяковская

ПИСЬМО МАЯКОВСКОГО

ДОРОГАЯ Люда. Мы получили твое письмо 1-го и сейчас же все уселись писать. Пока в Кутаисе ничего страшного не было, хотя гимназия и реальное забастовали, да и было зачем бастовать. На гимназию были направлены пушки, а в реальном сделали еще лучше: пушки поставили во двор, сказав, что при первом возгласе камня не оставят на камне.

Новая блестящая победа была совершена казаками в городе Тифлисе. Там шла процессия с портретом Николая и приказали гимназистам снять шапки. На несогласие гимназистов казаки ответили пулями, два дня продолжалось это избиение.

Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии; этих собак там было убито около двухсот. Кутаис тоже вооружается. По улицам только и слышны звуки „Марсельезы". Здесь тоже пели „Вы жертвою пали", когда служили панихиду по Трубецком и по тифлисским рабочим.

Пиши и мне тоже. Целую тебя крепко. Твой брат.

1905 г. *Володя*

РАБОТА МАЯКОВСКОГО

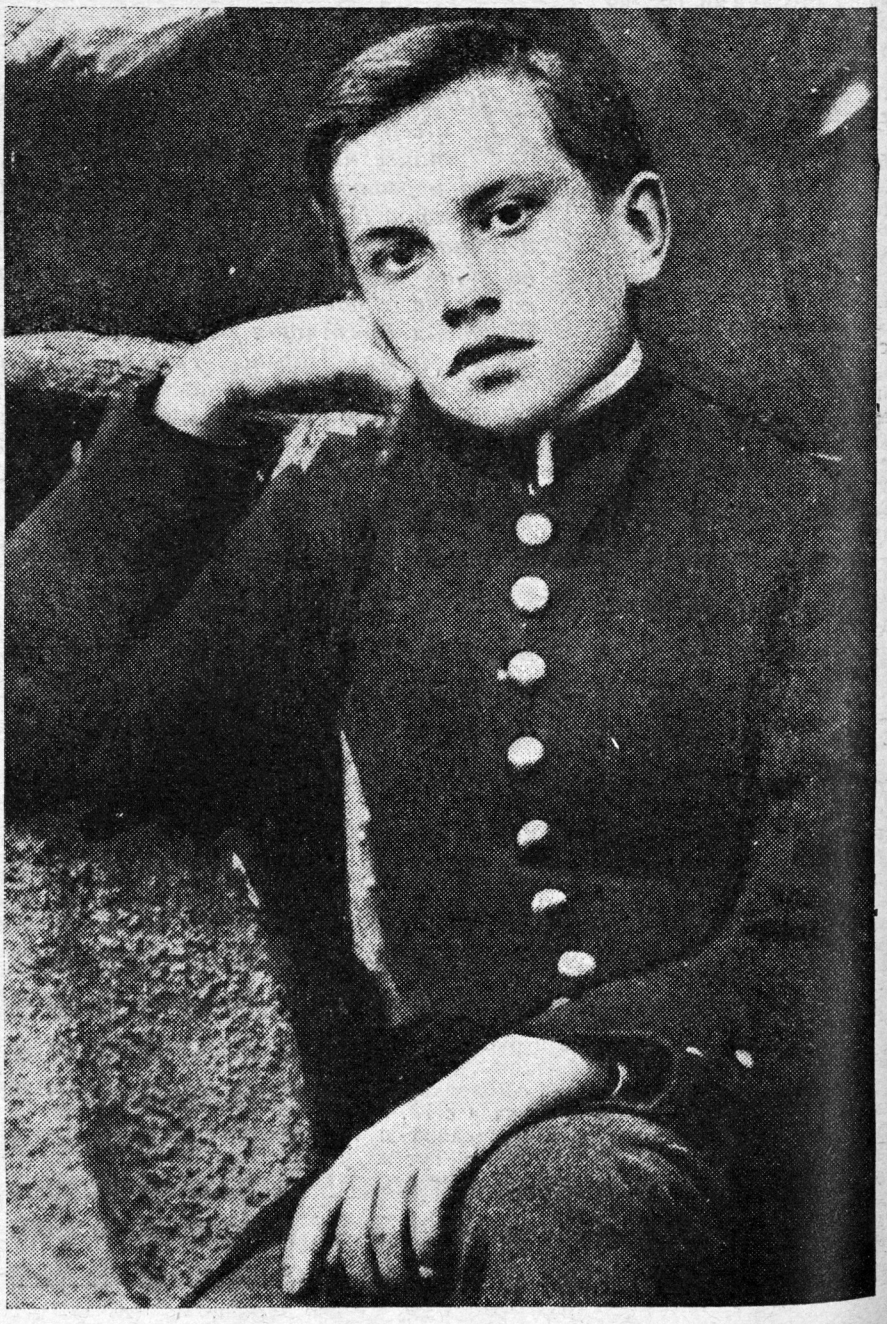
Мы печатаем здесь несколько образцов разнообразной литературно-общественной работы Маяковского. Это далеко не лучшие, а лишь наиболее типичные примеры. Стихотворение 1-е характерно для „уличной“ лирики Маяковского.

Отрывок 2-й в форме фантастической беседы с памятником Пушкину рисует отношение Маяковского к классикам и к сегодняшним задачам поэзии.

3-е стихотворение — знаменитый „Левый марш“ — один из блестящих боевых революционных стихов Маяковского. Глубокой революционной скорбью и упорной бодрой верой в революцию наполнено стихотворение 4-е. В качестве образца беспощадной сатиры поэта, бичующей наши недостатки, дается стихотворение 5-е. Это стихотворение очень любил Ленин. Стихотворение 6-е очень типично для много путешествовавшего Маяковского, нигде, никогда не преклонявшегося слепо перед буржуазной культурой. О политической чуткости поэта, о готовности его откликнуться на первое требование революционной современности говорят стихотворения.

I. ИЗ ПОЭМЫ „ЛЮБЛЮ“ МАЛЬЧИШКОЮ

Я в меру любовью был одаренный.
Но с детства
людье
трудами муштровано.
А я —
убег на берег Риона
и шлялся,
ни черта не делая ровно.
Сердилась мама:
«Мальчишка паршивый!»
Грозился папаша поясом выстегать.
А я,
разживясь трехрублевкой фальшивой,
играл с солдатьем под забором «в три листика».
Без груза рубах,
без башмачного груза,
жарился в кутаисском зное.
Поворачивал солнцу то спину,
то пузо —
пока подложечкой не заноет.
Дивилось солнце:
«Чуть виден весь-то!
А тоже —
с сердечком.
Старается малым!
Откуда
в этом
в аршине место —
и мне,
и реке,
и стоверстым скалам?!»



В. Маяковский в детстве (с редкой фотографии).

Юношей

Юношеству занятий масса.
Грамматикам учим дурней и дур мы.
Меня-ж
из пятого вышибли класса.
Пошли швырять в московские тюрьмы.
В вашем
квартирном
маленьком мирике
для спален растут кучерявые лирики.
Что выищешь в этих болоночьих лириках?!

Меня вот
любить
учили
в Бутырках [1]).
Что мне тоска о Булонском лесе?! [2])
Что мне вздох от видов на море?!
Я вот
в «бюро похоронных процессий»
влюбился,
в глазок 103 камеры.
Глядят ежедневное солнце,
зазнаются.
«Чего, мол, стоят лученышки эти?»
А я —
за степного,
за желтого зайца
отдал тогда бы все на свете.

Мой университет

Французский знаете?
Делите?
Множите?
Склоняете чудно!
Ну и склоняйте!
Скажите —
а с домом спеться
можете?
Язык трамвайский вы понимаете?
Птенец человечий,
Чуть только вывелся, —
за книжки рукой,
за тетрадные дести.
А я обучался азбуке с вывесок,
листая страницы железа и жести.
Землю возьмут,
обкарнав,
ободрав ее —
учат.
И вся она — с крохотный глобус.
А я
боками учил географию, —
не даром же
наземь
ночевкой хлопаюсь!
Мутят Иловайских [3]) больные вопросы:
— Была-ль рыжа борода Барбароссы?
Пускай!
Не копаюсь в пропыленном вздоре я —
любая в Москве мне известна история.
Берут Добролюбова (чтоб его ненавидеть),
фамилия-ж против
скулит родовая.
Я
жирных
с детства привык ненавидеть,
всегда себя
за обед продавая.

. . . . . .

2. Из разговора с памятником Пушкину

Александр Сергеевич,
разрешите представиться,
Маяковский.

. . . . . .

Вот —
пустили сплетню,
тешат душу ею.
Александр Сергеич,
да не слушайте-ж вы их!
Может,
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых
Мне
при жизни
с вами
сговориться-б надо.
Скоро, вот,
и я умру
и буду нем.
После смерти
нам
стоять почти что рядом;
вы на Пе,
а я
на Эм.
Кто меж нами?
С кем велите знаться?
Чересчур
страна моя
поэтами нища.
Между нами
— вот беда —
позатесался Надсон.
Мы попросим,
чтоб его куда-нибудь
на Ща!
А Некрасов
Коля,
сын покойного Алеши —
он и в карты,
он и в стих,
и так
не плох на вид.
Знаете его?
Вот он
мужик хороший.
Этот
нам компания —
пускай стоит.

. . . . . .

Были-б живы —
стали бы
по Лефу соредактор.
Я бы
и агитки
вам доверить мог.
Раз бы показал:
— Вот так-то, мол,
и так-то...
Вы-б смогли —
у вас
хороший слог.
Я дал бы вам
Жиркость
и сукна,
в рекламу-б
выдал
гумских дам [5])
(я даже
ямбом [6]) подсюсюкнул,
чтоб только
быть приятней вам).
Вам теперь
пришлось бы
бросить ямб картавый.
Нынче
наши перья —
штык
да зубья вил, —
битвы революции
посерьезнее «Полтавы»,
и любовь
пограндиознее
онегинской любви.
Бойтесь пушкинистов.
Старомодный Плюшкин [7]).
перышко держа,
полезет
с перержавленным.
— Тоже, мол,
у Лефов
появился Пушкин.
Вот арап!
а состязается
с Державиным...
Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели хрестоматийный глянец.
Вы,
по-моему,
при жизни
— думаю —
Тоже бушевали.
Африканец!
Сукин сын Дантес [8]),
великосветский шкода.
Мы-б его спросили:
— А ваши КТО родители?
Чем вы занимались
ДО семнадцатого года?
Только этого Дантеса бы и видели.

. . . . . .

Хорошо у нас
в Стране Советов.
Можно жить,
работать можно дружно.
Только, вот,
поэтов,
к сожаленью, нету, —
впрочем, может,
это и не нужно.

. . . . . .

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту,
—Ну-ка,
дрызнь!
Ненавижу
всякую мертвечину!
Обожаю
Всяческую
жизнь

3. МЫ НЕ ВЕРИМ

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь
не литься?
Нет!
Не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницый
грохотать
набатный
ленинский язык.
Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч,
чтоб вихрем не кипел?!
Нет!
Не ослабнет ленинская воля
в миллионносильной воле ВКП.
Разве жар
такой
термометрами меряется?
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокотать
у революции в груди.
Нет!
Нет!
Не-е-т...
Не хотим
не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
сгинь, навязчивая тень!

4. ИЗ ЛЕВОГО МАРША
(матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!
Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!
. . . . . .
Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

6. ИЗ „БРОДВЕЯ"

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.
На север
с юга
идут авеню [9],
На запад —
с востока —
стриты [10].
А между —
(куда их строитель завез!) —
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиной до звезд,
другие —
длиной до луны.
. . . . . .
Вагоны едут
и дымам под рост,
и в пятках
домовьих
трутся,
и вынесут
хвост
на Бруклинский мост,
и спрячут
в норы
под Гудзон [11].

5. ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет —
расходится народ в учреждения.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание,
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседание.
Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она».
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».
Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели притти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».
Через час
ни секретаря,
ни секретарши нет —
голо!
Все до 22 лет
на заседании комсомола.
Снова взбираюсь, глядя на ночь,
На верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваныч?»—
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».
Взъяренный,
На заседание
врываюсь лавиной,
Дикие проклятия изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Они на двух заседаньях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится разорваться
До пояса здесь,
а остальное
там».
С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

. . . . . .
А лампы
как станут
ночь копать,
Ну, я доложу вам —
пламечко!
Налево посмотришь —
мамочка мать!
Направо —
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской
братве.
И за день
в конец не дойдут.
Это — Нью-Йорк.
Это — Бродвей [12].
Гау ду ю ду! [13]
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепченку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
На буржуев
смотрим свысока.

Аудитория
сыплет
вопросы колючие,
старается озадачить
в записочном рвении.
«Товарищ Маяковский, прочтите
лучшее
ваше
стихотворение».
Какому
стиху
отдать честь?
Думаю,
упершись в стол.
Может быть,
это им прочесть,
а, может, прочесть то.
Пока
перетряхиваю
стихотворную старь.
И нем
ждет
зал.
Газеты
«Северный Рабочий»
секретарь
тихо
мне
сказал...

И гаркнул я,
сбившись с поэтического тона,
громче
иерихонских хайл:
«Товарищи!
Рабочими
и войсками Кантона
взят
Шанхай!»
Как-будто
жесть в ладонях мнут,
оваций сила
росла и росла.
Пять,
десять,
пятнадцать минут
рукоплескал Ярославль.
. . . . . .
Не приравняю
всю
поэтическую слякоть,
любую
из лучших поэтических слав,
не приравняю
к простому
к газетному факту,
если
так
ему
рукоплещет Ярославль.

Плакат с текстом Маяковского.

Примечания к стихам

1) Бутырки — тюрьма, в которой сидел Маяковский при царизме.
2) Булонский лес — парк в Париже.
3) Иловайский — автор гимназического учебника истории.
4) Кузнецкий мост — улица в Москве.
5) Маяковский писал стихи-рекламы для ГУМ'а.
6) Ямб — размер стиха, которым часто писал Пушкин.
7) Плюшкин — один из героев гоголевских „Мертвых душ".
8) Дантес — убийца Пушкина.
9) и 10) Авеню и стриты — улицы Нью-Йорка.
11а) Гудзон — река в Нью-Йорке.
12) Бродвей — одна из главных улиц Нью-Йорка.
13) Гау ду ю ду — американское приветствие.

НА ВЫСТАВКЕ МАЯКОВСКОГО

Раньше я всегда говорил, что Маяковский пишет непонятно и даже ругал его за это. Когда открылась выставка его двадцатилетней литературной деятельности — я пошел посмотреть эту выставку.

Там я увидел на стенах плакаты-афиши о том, где он выступал и на какую тему; журналы и газеты, в которых напечатаны его вещи. Видел отдельные рукописи его последней пьесы «Баня» (эту «Баню» я видел в театре им. Мейерхольда и плохо понял, но когда я прочитал о ней критические статьи, то мне все стало ясно). Был и на выставке его работы в годы гражданской войны — «окна РОСТА», плакаты...

Объяснения своим экспонатам давал сам Маяковский. Он был очень высокий, говорил громко и отчетливо. Объяснял он очень просто и понятно, а вот читать его стихи трудно, но...

Здесь очень большое «но», и вот в чем оно состоит: если внимательно, по пунктам разбирать его произведения, то они станут понятными и уже так запомнятся, что никогда не забудешь. И теперь, когда я уже понимаю Маяковского — я его не ругаю, а люблю.

Москва.

Деткор Янет

Редколлегия М. Г. 4462/553. Стат А 4—210×297 мм. *Ответств. редактор И. Равин*
Главлит № А—68.409. Отпеч. в 7-й тип. «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп., 13. З. Т. 1437.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ВЫШЛИ В СВЕТ ИЗДАНИЯ

„МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“

БИБЛИОТЕКА ПИОНЕРА-АКТИВИСТА

Соловейчик.— **Шефствуйте по-новому.** 32 стр. Цена 10 коп.

Федосеев В.— **Звено в лагере.** Книжка для вожатых звеньев. 39 стр. Цена 13 коп.

ЖЕМЧУЖИНЫ ОПЫТА

Лифшиц А.— **В бой за учебу** (борьба со второгодничеством). 27 стр. Цена 8 коп.

Путерброт М.— **Лицом к лицу** (пионеры Терского округа на хлебозаготовках). 31 стр. Цена 9 коп.

КАК РАБОТАТЬ В ПИОНЕРОТРЯДЕ

Студенецкий Н. (сост.)— **Десять лет мировой пионерии.** Сборник материалов к проведению X МДН и десятилетию деткомдвижения в пионеротряде и школе. 152 стр. Цена 50 коп.

Ос Гр.— **Будем готовы!** (О военной работе среди пионеров.) 47 стр. Цена 12 коп.

КАК РАБОТАТЬ С ОКТЯБРЯТАМИ

Рабинова Л. и Попова А.—**Октябрьский клуб** (опыт работы). С 54 рисунками и 4 фотографиями. 131 стр. Цена 55 коп.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ И НА МОРЕ

Ниман А.— **Питер Мариц, юный бур из Трансвааля.** Историческая повесть в переработке А. Дермана. Обложка и иллюстрации худ. В. Г. Бехтеева. 203 стр. Цена 1 руб. 50 коп. переп. 35 к.

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Громов Б.– **Поход „Седова“** (экспедиция «Седова» на землю Франца-Иосифа в 1929 году). 86 стр. Цена 60 коп.

Розенфельд М.— **Клад пустыни Кара-Кум.** Для детей старшего возраста. С 11 фотографиями. 95 стр. Цена 80 коп.

Шпанов Н — **Подвиг во льдах.** Для детей старшего возраста. 135 стр. Цена 95 коп.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЖЕНЩИНАХ

Степняк-Кравчинский.—**Ольга Любатович.** Под редакцией И. Халтурина. Обложка и рисунки К. Истомина. Для детей старшего возраста. 48 стр. Цена 15 коп.

УДАРНЫЕ КНИЖКИ

Кац Д.— **Книжка о молоке и мясе.** 30 стр. Цена 10 коп.

Харджиев Н.— **Особая Дальневосточная.** 1930 г. 29 стр. Цена 10 коп.

Яффе Г.— **Глаша-Мотор.** 30 стр. Цена 13 коп.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА

Ильин М.— **Фабрика будущего.** Для детей среднего и старшего возрастов. Рисунки Н. Ф. Лапшина. Обложка С. Бигос. 30 стр. Цена 17 коп.

ВНЕ СЕРИЙ

Бичер-Стоу. — **Беглецы** Эпизоды из романа «Хижина дяди Тома». Переработал для советского юношества Н. Могучий. 181 стр. Цена 95 коп.

Бобинская.— **Маленькие рассказы.** 48 стр. Цена 18 коп.

Внуков В.— **Занимательная физика на войне.** С 36 рисунками. 2-е исправленное и дополненное издание. 79 стр. Цена 25 коп.

Выгодская Э.— **Приключения Марка Твэна.** Биографическая повесть для юношества. 191 стр. Цена 1 руб. 20 коп.

Данилов Н.—**Работа пионеров в жактах.** 111 стр. Цена 40 коп.

Кассиль Л.— **Кондуит.** Последняя повесть о гимназии. Обложка и 14 рисунков художника А. Брея. 85 стр. Цена 65 коп.

Киплинг Р.—**Отважные мореплаватели.** Повесть для детей старшего возраста. Перевод с английского под редакцией А. Адалис. 2-е переработанное издание. 231 стр. Цена 1 руб.

Рубинштейн Л.—**Не подумав, не отвечай.** Задачи на сообразительность. С 33 рисунками в тексте. 32 стр. Цена 25 коп.

Тамбовцев П.— **История одной базы.** 77 стр. Цена 35 коп.

Техника детям. Периодические сборники по вопросам политехнического воспитания. Под редакцией П. Бенюха, Н. Булатова, А. Волкова, И. Розанова и К. Соколова. Сборник первый. 72 стр. Цена 45 коп.

Южная Г.— **Таракан.** Для детей младшего и дошкольного возраста. 8 стр. Цена 12 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСАМ:

Москва, Центр, Новая площадь, дом № 6, книжная база изд-ва «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» и во все отделения.

При заказе высылать задаток в размере 25%. Заказы до 2 рублей выполняются по получении всей стоимости заказа (можно почтовыми марками).

Для Центральной области—**Ленинград, просп. 25 Октября, 66.**
„ Левобережной Украины, Донбасса и Крыма—**Харьков, Подольский пер., 2.**
„ Правобережн. Украины—**Киев, ул. Воровского, 25, пассаж, 33.**
„ Северного Кавказа—**Ростов-н/Дону, ул. Фр. Энгельса, 192.**
„ Средней Азии—**Ташкент, ул. Карла Маркса, 28.**
„ Уральской области—**Свердловск, ул. Малышева, 62.**

Для Центрально-Черноземной области—**Воронеж, проспект Революции, 20.**
„ Средне-Волжской области—**Самара, Ленинградская, 37.**
„ Нижне-Волжского края—**Саратов, ул. Республики, 27.**
„ Нижегор. края—**Нижний-Новгород, ул. Свердлова, 15, п. 3.**
„ Иваново-Вознесенской области—**Иваново-Вознесенск, Социалистическая 6.**